

ПАВЛОВСК В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

© 2015 Н.В.Сабаева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 25.12.2014

В предлагаемой статье нам интересно, какое место занимает Павловск в пространственной структуре романа Ф.М.Достоевского «Идиот».

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, роман «Идиот», пространство, Павловск.

В романе Ф.М.Достоевского «Идиот» пространство имеет сложную внутреннюю организацию, служит формой отражения сюжетной логики событий и заключает в себе определенное смысловое значение, важное для описания и интерпретации.

События романа развиваются главным образом в Петербурге и Павловске – это основное пространство действия героев. Кроме того, можно выделить периферийное пространство, которое представлено в романе косвенно, в большей, например как Швейцария, или в меньшей степени (Москва, сельцо Отрадное, Псков, Колмино, Екатерингоф и др.) значимое для повествования. Петербург с его традиционной не только для Ф.М.Достоевского эсхатологической символикой темного места, «обреченного города»¹, сосредоточия зла, ненависти и страдания обладает явным мифологическим потенциалом, о котором уже много сказано исследователями петербургского текста русской литературы. В этой статье нам интересно, какое место занимает Павловск, его локусы и детали, в пространственной структуре романа.

Павловск представляет собой принципиально иное пространство, в котором жизнь организуется с меньшей степенью социальной условности, свойственной казенному Петербургу. В Павловске, который изначально являлся царской летней резиденцией, нанимали дачи многие состоятельные люди. По словам В.Г.Щукина, в 40-х годах 19 века «жителей Петербурга охватила так называемая «дачемания». <...> Именно к этому времени (1830-1840-е годы) городское хозяйство столицы перестало справляться с удовлетво-

нием элементарных потребностей лавинообразно возрастающего населения. Огромное количество трущоб, подробно описанных писателями «натуральной школы», отсутствие каких бы то ни было санитарно-очистных сооружений, обилие нечистот и связанный с этим смрад – все это обуславливало летний «исход» петербуржцев из города в поисках свежего воздуха»². Дачные условия накладывают определенный оттенок на характер жизни в таком пространстве, основными формами которой будут прогулки, общение с соседями, беседы на террасах, игра в карты, музыкальные концерты, в том числе подобная атмосфера благоприятна для развития любовных отношений; «локус дачи отличается не только сравнительно скромной наделенностью земными благами и архитектурными красотами, но также открытостью, вписанностью в реальный, а не искусственный природный ландшафт»³.

Павловск в романе совмещает признаки из разных пространственных рядов: являясь неразрывной частью петербургского пространства, он в то же время в качестве удаленной от столицы пространственной периферии со всеми его тенистыми парками и дачными участками играет роль провинции. Как место отличное от гнетущего Петербурга, Павловск воспринимается героями как возможное убежище от происшедших катастроф и скандалов, может быть, поэтому в надежде обрести душевное равновесие сюда будто бы бегут все герои романа. Происходит переход от мрачных улиц, грязных лестниц, шумных переулков Петербурга и связанных с ними страданий, болезненного напряжения, стесненности мысли, бессилия к открытому, естественному, природному миру Павловска, где яркость красок,

⁰ Сабаева Надежда Валерьевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: nadezhda_sabaeva@mail.ru

¹ Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М.Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т.2. – Таллин: Александра, 1992. – С. 11.

² Щукин, В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей / В.Г.Щукин. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2007. – С. 374.

³ Щукин, В.Г. Российский гений просвещения... – С. 379.

свежий воздух и окружающий свет наполняют человека радостью, спокойствием и верой в лучшее будущее.

Изначально предназначенное для отдыха пространство Павловска ослабляет некоторые границы, накладываемые на людей городом, а потому является, быть может, более непредсказуемым, чем привычное городское пространство. Подобная дачная пространственная семантика будто бы снимает необходимость четкого топографического описания улиц, список которых, за исключением некоторых сухих сведений, в романе отсутствует. Действие развивается в таких локусах как дача Лебедева, в которой нанимает террасу Мышкин, генеральская дача и Павловский парк, также упоминаются Павловский вокзал, дача Птицына, церковь и дом Дарьи Алексеевны, в котором останавливается Настасья Филипповна.

Многие павловские события происходят на террасе Мышкина, на котором в этой части романа сфокусировано внимание всех персонажей. Терраса уже по своему названию располагает к легкости, простой и открытой обстановке, к душевным разговорам и дружеским встречам. Терраса князя в романе превращается в открытую площадку, на которой, минуя социальные границы, сталкиваются разные люди и разные взгляды. Если в Петербурге князь будто бы случайно вовлекается в историю с Настасьей Филипповной, каждый раз оказываясь рядом, то в Павловске именно он становится тем центром, вокруг которого организуются события, – все ищут его знакомства, разговора, участия, все так или иначе, преследуя свои цели, интересуются его фигурой, даже Настасья Филипповна появляется в романе только из-за него и, как ей кажется, только в его интересах.

Каждый день в Павловске наполнен множеством событий, время и пространство будто сгущаются, все плотнее окружая героев и все больше напоминая петербургское пространство с его истеричностью, столкновениями, катастрофичностью. Любой первоначально безобидный шаг героев неожиданно оборачивается скандалом: посещение Епанчиными больного князя заканчивается чтением лживой статьи и неприятным спором о деньгах с «сыном Павлищева» и его друзьями, мирная прогулка «на музыку» – чуть ли не дракой в Павловском вокзале, день рождения князя – попыткой самоубийства больного чахоткой Ипполита и т.д.

Генеральская дача Епанчиных выступает в пространстве Павловска как наиболее авторитетное и влиятельное место, а потому здесь со всеми соблюдаемыми приличиями ведутся серь-

езные разговоры о либерализме, католической вере и атеизме, о счастье. Здесь затем собирается «высший свет» столичного общества на вечер по случаю сватовства Мышкина к Аглае, усиленная петербургские черты павловского пространства. Приглашенные чиновники принадлежат к столичному пространству и, являясь его неотъемлемой частью, характеризуют его как фальшивое и пустое, лишенное искренности и смысла. Представляя собой лицемерных, зачастую глупых и равнодушных людей, столичное общество подчеркивает своим существованием театральность и искусственность петербургского пространства.

Вдохновленный своей любовью к Аглае, очарованный торжественностью вечера князь, повинувшись своему желанию высказаться, много говорит о сокровенном, но для приглашенных гостей его откровенность – признак болезни, ненормальности. Ваза, которую герой разбивает в порыве вдохновения, является символом-предчувствием его краха в романе, в мире людей, которого он так жаждал и где ему не суждено обрести счастья понимания и приятия. Кроме того Мышкин необыкновенно поражен сбывшимся пророчеством Аглаи, как будто произошедшее подтверждает его мысли о неизбежности судьбы, в которую он все больше верит. Подобное значит признаком пространства, в котором таинственное и фантастическое может быть закономерным.

Другой характерной чертой павловского пространства, напоминающей о Петербурге, является обилие слухов и сплетен: «хотя здесь муха пролетит – и уже известно: таково местечко!»⁴. Дачное безделье еще более чем в городе, способствует появлению всеобщего интереса к скандалам и всевозможным пересудам, а потому в Павловске главные герои все время оказываются на виду. Слухи искажают и так слишком непростое положение вещей, тем самым усугубляя конфликты и обнажая героев против их воли. Важным связующим звеном в пространстве павловских слухов являются Лебедев, а также Ганя и его сестра Варвара Птицына. «Птицын проживал в Павловске в невзрачном, но поместительном деревянном доме, стоявшем на пыльной улице и который скоро должен был достаться ему в полную собственность, так что он уже его в свою очередь начинал продавать кому-то» (VI, 467).

⁴ Достоевский, Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. – Т.6. – Л.: Наука, 1989. – С. 562. Далее цитаты по данному изданию будут приводиться в тексте с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.

Эти невзрачные по своей ординарности люди в то же время тщеславны и самолюбивы, а кроме того занимают очень прочные позиции в пространстве романа, стремясь к его подчинению и овладению ситуацией, пусть даже с помощью самых сомнительных методов.

В Павловске Мышкин сталкивается с другими людьми, с другими историями, в которых проглядывает то же страдание обиженного самолюбия и гордости, что и в Настасье Филипповне. После насыщенного происшествиями и встречами дня Мышкин спускается в Павловский парк, где ищет уединения и тишины. В природной гармонии павловского парка герой пытается обрести душевное успокоение и ясность мысли, привести измученные за день нервы в порядок. При описании парка особенно подчеркиваются его тишина и темнота, что указывает на его отдаленность и даже некоторую противопоставленность парка остальному светному, многолюдному и болезненно напряженному пространству Павловска.

Важной частью павловского парка является микролокус зеленой скамейки – некое особенное место, куда не все допускаются, в силу своей ограниченности не понимая его скрытого смысла: «...наверно, она сидит теперь с книгой на зеленой скамейке, о которой она еще три дня назад говорила и за которую чуть не поссорилась с князем Щ., потому что тот не нашел в местоположении этой скамейки ничего особенного...» (VI, 440). Это место особенно хорошо своей удаленностью и уединенностью, благодаря ему главные герои расширяют границы своего пространства, возможности взаимодействия внутри него.

Заметим, что многие сокровенные разговоры между героями ведутся именно в парке, под тенью деревьев. Ипполит придает особенное значение их молчаливому и беспристрастному присутствию, и сам похож будто на «сорванный с дерева дрожащий листик» (VI, 416). Он же отмечает такую черту павловского пространства как особенную природность, даже космичность, что придает этому месту неповторимое значение. Пространство Павловска олицетворяет для него прекрасный, но недостижимый мир: «И чего им хочется с их смешными «павловскими деревьями»? <...> Для чего мне ваша природа, ваш павловский парк, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего?» (VI, 415).

В Павловске мысли князя Мышкина часто перекликаются с воспоминаниями о Швейцарии, которая присутствует в романе косвенно, как бы за рамками реального пространства действия

героев. Пространство Швейцарии, как максимально удаленное от Петербурга, связано с Мышкиным и характеризует его на протяжении всего повествования, сначала являясь признаком его чужеродности и странности, а затем отправной точкой в его размышлениях и характеристикой внутреннего мира.

В описании Швейцарии часто отсутствуют признаки топографической конкретики: князь вспоминает водопад, шум которого любил слушать по ночам, горы, где «кругом сосны, старые, большие, смолистые», «белые облака», «блестящее» и «голубое небо», «яркое солнце», «горизонт светлый и бесконечный, которому конца-края нет». Подобное описание позволяет соотнести местоположение деревеньки, в которой жил Мышкин, не с реальным, а с мифологическим локусом некоего удаленного от невзгод, от глаз обычных людей прекрасного царства, райского сада, где вселенная и человек органично сосуществуют друг с другом, пребывая в счастливой безмятежности. «Мышкин в Швейцарии, невинный и счастливый как Адам, и Ева в Бытии перед грехопадением, и обитатели планеты, встреченные во сне Смешным человеком, охраняет и поддерживает сад, вверенный ему»⁵. Упоминание вписанного в общую картину средневекового заброшенного старого замка еще более усиливает семантику нереальности и величественности описанного ландшафта, актуализируя сопутствующие значения рыцарского кодекса чести и служения Прекрасной Даме; этот же мотив затем появляется и замечается Аглаей в отношении князя Мышкина – «рыцаря бедного» – к Настасье Филипповне.

Швейцария выступает в романе как особое пространство, наполненное светом, горным воздухом, бесконечным простором, и в связи с этим противопоставленное Петербургу. Максимальная открытость территории, красота окружающего пейзажа, сосредоточенная тишина – все это способствует уединенной, духовной, простой и оттого счастливой жизни князя Мышкина. Может быть, близость природного мира Павловска Швейцарии объясняет расположение героя к Павловску, в пространстве которого он опять бывает счастлив. В Павловске Мышкин вспоминает Швейцарию в трудные минуты, когда ему более всего хочется тишины, спокойствия, внутренней гармонии, и потому Швейцария все более выступает как сакральное, незримое простран-

⁵ Сальвестрони, С. Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского / С. Сальвестрони. – СПб.: Академический проект, 2001. – С. 60.

ство мысли, в безопасности которого хранится память о покое и счастье, о вечных истинах.

Павловск является неотъемлемой частью петербургского пространства, но в то же время заключает в себе широкие пространственные возможности и, на первый взгляд, кажется более благосклонным к героям. Именно в пространстве Павловска развиваются отношения Мышкина и Аглаи – еще одна попытка героя обрести счастье и радость понимания. Понятное и близкое Мышкину природное пространство Павловска располагает к откровениям и позволяет ему раскрыть-

ся и высказаться в полной мере. Но даже здесь, на лоне природы, его не могут услышать, князь Мышкин обречен на провал и одиночество, Павловск тоже испытывает героя и оказывается лишь его мнимой надеждой на пути к гибели. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Павловск обладает большим пространственным потенциалом и представляет собой переходное пространство в сложной структуре романного действия, совмещающая в себе признаки идеального природного мира и лихорадочного Петербурга с его хаосом и катастрофами.

PAVLOVSK IN «THE IDIOT» BY F.M.DOSTOEVSKY

© 2015 N.V.Sabaeva^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

In this article we are interested in the place of Pavlovsk in the spatial structure of F.M.Dostoevsky's novel «The Idiot».

Key words: F.M.Dostoyevsky, novel «The Idiot», space, Pavlovsk.

^o Nadezhda Valerievna Sabaeva, Postgraduate of Department of Russian and foreign literature and literature teaching methodology. E-mail: nadezhda_sabaeva@mail.ru